

Шёл дождь.

Ледяной ветер завывал с яростной злобой, и над городом, погружённым в ночную темень, то и дело вспыхивали зарницы, сопровождаемые раскатами грома. Сквозь плотную стену ливня, разрезая лужи, промчался автомобиль. Брызги разлетались в стороны, а шлейф выхлопных газов, казалось, сам был пропитан спешкой и тревогой.

Вскоре машина замерла неподалёку от виллы семьи Чжу.

За стеклом свирепствовала буря. Дуань Тин хотел было опустить окно, но передумал — стихия будто ополчилась против него. Сгорая от ревности, он сверлил взглядом ярко освещённое здание, едва различимое за потоками воды, стекающими по стеклу.

«Зачем я здесь? — внезапно спросил он себя. — Чтобы снова допрашивать Юй Люгуана?»

Один раз, второй... Результаты всегда были плачевными. Он не собирался в третий раз вступать в бессмысленную борьбу. Юй Люгуан всё равно его не послушает, а в конечном итоге лишь осыплет оскорблениями.

Помолвка так помолвка. Подумаешь.

Даже если он сам останется в стороне, найдутся другие — тот же Чжу Яньшу и его компания. Они костями лягут, устроят скандал, попытаются сорвать церемонию. Помолвка не пройдёт гладко.

Дуань Тин откинулся на спинку водительского сиденья, пытаясь на несколько мгновений очистить разум. Его челюсть непроизвольно сжалась; он пребывал в том странном состоянии, когда внешнее спокойствие едва сдерживает внутреннее неистовство.

И всё же... как же это было невыносимо.

Как он мог смириться?

Сколько бы он ни отрицал очевидное, как бы ни игнорировал зов сердца и ни пытался контролировать каждый свой шаг, правда оставалась неизменной.

Он всё ещё любил Юй Люгуана.

Любил преданно и долго — с тех самых пор и до нынешнего момента. Любил, даже когда тот бросил его, даже когда втоптал в грязь. Любил, когда его проклинали, когда его били; любил, прекрасно осознавая, что Юй Люгуан — далеко не святой.

Дуань Тин с силой потер лицо. В его тёмных зрачках проступила кровавая сетка лопнувших сосудов. Когда первая волна ярости схлынула, он наконец смог отстраниться и взглянуть на ситуацию холодным, почти безразличным взором.

Любовь Юй Люгуана нельзя вымолить. Это бесполезно.

Его жалость не распространяется на тех, кто за ним бегают. Его доброта — не для них.

Он может подобрать на улице грязного щенка Фаая в самый сильный ливень. Не побрезгует его перепачканной шерстью, не оттолкнет, когда тот полезет лизаться. К собаке он проявит милосердие и доброту.

Для них же у него припасены лишь бесконечный обман и использование в своих целях.

Дуань Тин уставился на дорогу перед собой.

Значит, придётся действовать самому. Искать иные пути. Раз мольбы не помогают, остаётся только принуждение.

Он опустил налившиеся кровью глаза и отстегнул ремень безопасности.

Под аккомпанемент непрекращающегося дождя чёрный автомобиль простоял у обочины до самого рассвета.

Гром сотряс воздух. Ночь была одинокой и долгой.

Весть о грядущей помолвке семей Чжу и Жун перестала быть тайной. Едва в соцсетях появился тот злополучный пост, новость мгновенно разлетелась по городу.

Для родителей Чжу Яньшу это стало громом среди ясного неба. Мать Чжу, едва увидев запись, забросила прогулку с собакой и помчалась домой. Отец Чжу оставил все дела, и вскоре вся семья была в сборе.

— Я помню, несколько лет назад мы обсуждали нечто подобное с семьёй Жун? — Мать Чжу выглядела растерянной. — Но тогда дело ничем не закончилось... Когда вы успели сойтись?

Чжу Яньшу сидел за обеденным столом, опустив глаза. Его благородное лицо не выражало ровным счётом ничего.

— Два месяца назад, — негромко ответил сидящий рядом с ним юноша.

— Так рано? И ни слуху ни духу? — Мать Чжу нахмурилась ещё сильнее. — Впрочем, если ты всё обдумал, мы с отцом не станем возражать. Семьи у нас почтенные, Жун Сюань — человек достойный. Но не слишком ли поспешно устраивать помолвку уже в следующем месяце?

Чжу Яньшу поднял голову и в упор посмотрел на Юй Люгуана.

— Я тоже считаю, что это поспешно.

Юй Люгуан скользнул по нему коротким взглядом. Всего полчаса назад они целовались, и в этом взоре всё ещё можно было уловить отголоски того момента: холодную сдержанность, граничащую с полным самозабвением.

Чжу Яньшу крепче сжал палочки для еды, наблюдая, как юноша отводит взгляд и принимается помешивать ложкой тёмное лекарство в своей чашке.

— Вовсе не рано, — легко бросил Юй Люгуан. — Мы с Жун Сюанем уже всё обсудили.

Отец Чжу задумчиво кивнул:

— На днях нужно будет встретиться с роднёй Жун Сюаня. Кстати, Яньшу, что у тебя с лицом?

Он хотел спросить об этом ещё с порога. На щеке сына отчетливо виднелось покраснение, подозрительно напоминающее след от пощечины. Но отец Чжу и представить не мог, что кто-то осмелится ударить его сына.

Слабая боль давно утихла, поэтому Чжу Яньшу на мгновение замер. В памяти всплыли те два ледяных удара, полученных в темноте.

— Ничего, — спокойно ответил он, не меняясь в лице. — Сам не заметил, как задел обо что-то.

— Будь осторожнее, — наставительно произнёс отец. — Выглядит так, будто тебя кто-то ударил. Если это снимут журналисты, заголовков не оберешься.

В столовой на некоторое время воцарилась тишина.

— Я закончил.

Юй Люгуан неспешно вытер пальцы влажной салфеткой, взял чашку с лекарством и поднялся из-за стола. Горький, густой аромат снадобья поплыл по комнате, постепенно растворяясь по

мере того, как юноша удалялся.

— Я тоже сыт, — сухо обронил Чжу Яньшу.

Он встал и последовал за Юй Люгуаном, оставив родителей недоуменно переглядываться.

Дверь в комнату с негромким щелчком закрылась.

Чжу Яньшу остановился за спиной юноши, наблюдая, как тот медленно, глоток за глотком, пьёт лекарство. Юй Люгуан не боялся горечи; он пил вдумчиво, смакуя каждый глоток, в отличие от тех, кто стремится осушить чашу одним махом.

Постояв так немного, Чжу Яньшу сел рядом.

Лекарство закончилось, на дне чашки остался лишь тёмный осадок. Юй Люгуан поставил её на стол и обернулся. Его влажные губы ярко алели, а изысканные черты лица в свете ламп казались почти прозрачными.

— Подойди ближе.

Чжу Яньшу подчинился.

Терпкий, удушливо-горький запах лекарства мгновенно заполнил пространство между ними. Он замер, глядя в полуприкрытые глаза юноши.

Юй Люгуан поцеловал его сам.

Кончик его влажного языка скользнул по губам Чжу Яньшу, словно заставляя того разделить вкус испитой горечи. Но Чжу Яньшу не страшился этого. Едва почувствовав прикосновение, он, не раздумывая, ответил на поцелуй, сменяя чужие губы и пытаясь проникнуть глубже.

Внутри было жарко и влажно. Он ласкал его язык, его дыхание участилось, а кадык судорожно дернулся. Юй Люгуан смотрел на него в упор, а затем плотно сомкнул зубы, не позволяя зайти дальше.

Чжу Яньшу пришлось довольствоваться мягкостью его губ. Он слизывал остатки горечи, оставляя после себя лишь обжигающе влажные следы.

Спустя минуту Юй Люгуан прерывисто задышал. Прядь иссиня-чёрных волос прилипла ко лбу, а в глазах, похожих на стеклянные бусины, стояла влага. Он отстранился, упираясь ладонями в плечи Чжу Яньшу.

— Внизу ты снова пытался мне перечить, — выдохнул он, восстанавливая ритм сердца.

Чжу Яньшу не стал спорить.

— Будь послушным, — продолжал Юй Люгуан. — Тогда я смогу уделить тебе время. Помолвка — дело решённое, и твоё неприятие ничего не изменит. Это факт.

Чжу Яньшу хранил молчание.

Через мгновение тонкие руки мягко обхватили его шею. Поцелуй повторился, на этот раз более настойчивый.

Чжу Яньшу сглотнул, глядя на изгиб бровей юноши, находящихся в считанных сантиметрах от него.

— Слушайся меня.

Едва слышный шепот. Мягкий голос, в котором сквозила едва уловимая ласка. И этот мимолётный, невесомый взгляд...

Чжу Яньшу, замороженный этим зрелищем, забыл даже о руках, сжимающих его горло. Он подался вперёд, впиваясь в его губы. В какой-то момент они сменили позу, и Юй Люгуан вцепился пальцами в его волосы, заставляя запрокинуть голову.

Дыхание Чжу Яньшу стало тяжёлым. Он буквально вжимался в юношу, вдыхая густой, дурманящий аромат белой магнолии.

Юй Люгуан слегка нахмурился. Его икры, свисающие с края кровати, напряглись, а с губ сорвался дрожащий вздох, который он не смог сдержать. Он слегка оттолкнул Чжу Яньшу ногой.

Тот вздрогнул от этого прикосновения, чувствуя, как по нервам пробегает электрический разряд. Он поднял голову, тяжело дыша; его кадык судорожно ходил вверх-вниз.

Юй Люгуан прикрыл глаза, смахивая выступившую на ресницах влагу, и хрипло произнёс:

— Сегодня... оставайся здесь.

Чжу Яньшу облизал губы.

— Хорошо.

[Уровень гнева Дитя удачи Чжу Яньшу -10, текущее значение: 8]

У Юй Люгуана оставалось ещё одно неоконченное дело. Нужно было вернуть карту Цзянь Цзэ.

С того самого дня в больнице он размышлял о том, когда и как это сделать. Последние десять очков гнева должны были быть получены именно в этот момент.

Рано утром Юй Люгуан отправил сообщение Цзянь Цзэ, спрашивая, когда тот свободен.

Цзянь Цзэ, который поднялся ни свет ни заря ради съёмок, практически не выпускал телефон из рук. Увидев уведомление, он, не задумываясь, отстучал ответ: «Свободен в любое время!»

Юноша, записанный в его контактах как «Лисёнок Люгуан», ответил: «Тогда давай встретимся сегодня днем? Я верну тебе карту ^v^»

— Хлысь!

Менеджер в ужасе уставился на Цзянь Цзэ, который ни с того ни с сего влепил себе пощечину.

— Ты что творишь?! Тебе же сегодня перед прессой светиться!

— Я просто идиот, — простонал Цзянь Цзэ.

— Да что случилось-то? — Менеджер подошёл ближе и заглянул в экран телефона. — ...

Последние несколько дней Цзянь Цзэ расчищал график, чтобы бегать в больницу к своей первой любви — об этом менеджер предпочёл промолчать. Но чтобы бить себя по лицу из-за одного сообщения?..

— Твои мозги... — Менеджер с трудом сдержался. — Какая ещё карта? У тебя нет времени днём! Ты должен лететь в другую провинцию на съёмки.

Цзянь Цзэ пропустил его слова мимо ушей, продолжая сокрушаться:

— Не надо было говорить, что я свободен. Эта карта — единственное, что нас связывает. Как только он её вернёт, у него не будет причин со мной общаться. Как мне потом ему писать?

Менеджер вздохнул.

— Псих.

Работать с таким артистом — само по себе испытание для психики. Нужно было понять это ещё тогда, когда он его подписывал. Кто ещё из звёзд стремится к богатству и славе только ради того, чтобы обеспечить безбедную жизнь своей первой любви?

Менеджер мысленно обругал себя за былую наивность. Он-то думал, что Цзянь Цзэ просто болтает, а тот оказался верен своим словам до фанатизма: стоило объекту страсти появиться на горизонте, как парень терял остатки рассудка.

— Ну так ты ещё не уехал, — раздражённо бросил менеджер. — Откажись, скажи правду. Мол, внезапно появились дела, нужно срочно лететь.

— Нельзя ему врать, — отрезал Цзянь Цзэ. — Люгуан ненавидит лжецов.

Он поёжился от воспоминаний:

— В одиннадцатом классе я соврал ему, что занимаюсь музыкой в торговом центре, а сам там подрабатывал. Когда он узнал, он два дня со мной не разговаривал. Я чуть не умер от страха, думал — всё, он меня бросит.

Цзянь Цзэ решительно добавил:

— Врать нельзя... Я что-нибудь придумаю. Кстати, перенеси вылет на вечер. Пожертвую сном, но успею.

Менеджер в ярости пошёл сдавать билеты.

— Ну ты и тип!

Час дня. Дождь прекратился, и солнце припекало так сильно, что от луж поднимался сухой, пыльный пар.

Юй Люгуан вышел на улицу и заметил автомобиль, припаркованный неподалёку. Он прищурился, но стёкла были слишком тёмными, чтобы разглядеть водителя. Недолго думая, он сел в свою машину. Бросив взгляд в зеркало заднего вида, он увидел, что тот автомобиль тоже тронулся с места.

В светлых глазах юноши промелькнул интерес.

«За мной следят».

Система отозвалась после короткой паузы: [Дуань Тин?]

«Угу, — подтвердил Юй Люгуан. — Он оказался нетерпеливее, чем я думал».

[А на что ты рассчитывал?]

«На попытку сорвать свадьбу, похищение... Ну, в духе того, что планировал Жун Сюань. Вчера я пустил слух о помолвке, а сегодня он уже готов к действию. Слишком импульсивно».

Водитель не заметил хвоста. Спустя двадцать минут машина остановилась у входа в кафе.

Юноша вышел и сразу увидел знаменитого певца, который ждал его у окна, скрыв лицо маской. Юй Люгуан с лёгкой улыбкой подошёл к нему.

— Перекрасился?

Вместо вызывающе рыжих волос теперь была аккуратная чёрная шевелюра. Цзянь Цзэ огляделся по сторонам и стянул маску.

— Люгуан... — начал он, но осёкся.

Юй Люгуан сел рядом. Он достал из кармана пальто старую банковскую карту, которой было уже несколько лет, и протянул её Цзянь Цзэ.

Тот поджал губы, принимая её.

— Почему ты ею не пользовался?

Там было чуть больше десяти тысяч юаней. Сумма небольшая, но на полгода скромной жизни студенту бы хватило. Когда Люгуан только поступил в университет, ему наверняка приходилось брать кредит на обучение. Он был отличником, получал стипендию, но этого всегда мало — порой приходилось подрабатывать.

У Цзянь Цзэ защипало в носу. Столько времени прошло, а кажется — всё было только вчера.

Юй Люгуан убрал руку:

— Не было нужды. На первом курсе у меня ещё оставались кое-какие сбережения, а на втором

я вернулся к биологическим родителям. Они оказались весьма щедры.

— Это хорошо, — выдохнул Цзянь Цзэ. — Рад, что тебе не пришлось страдать.

Он сжимал в пальцах холодный пластик. Ему казалось, что карта всё ещё хранит едва уловимый аромат. Всё, к чему прикасался Люгуан, обретало этот дивный запах.

Он безумно по нему скучал.

Цзянь Цзэ спрятал карту в карман. Наступила неловкая пауза.

— Люгуан, — наконец выдавил он севшим голосом. — Я теперь очень богат. У меня своя студия, я инвестировал в несколько компаний, доходы отличные.

Юй Люгуан посмотрел на него:

— Поздравляю.

Цзянь Цзэ не хотел слышать поздравлений. Почему они стали такими чужими? Его рука в кармане до боли сжала край карты. Он никогда не умел ходить вокруг да около. Когда он впервые влюбился, то признался Люгуану уже на следующий день. И сейчас, если он хотел вернуть его, нужно было говорить прямо.

Цзянь Цзэ вытащил руку и осторожно коснулся ледяных пальцев юноши. Почувствовав этот холод, он нахмурился и накрыл его ладонь своей, согревая.

Юй Люгуан спокойно наблюдал за ним. В его изысканных чертах промелькнула тень мягкости. Это придало Цзянь Цзэ храбрости.

— Люгуан, я... я хочу сказать... давай сойдёмся? — Он подался ближе, понизив голос. — Тогда, при расставании, я не спрашивал «почему». И сейчас не стану. Я просто хочу быть с тобой. Давай попробуем ещё раз? Если не получится — бросишь меня снова.

Юноша перед ним опустил глаза.

— Ты разве не видел?

— Что не видел?

Цзянь Цзэ вдыхал его аромат — такой знакомый, родной. За те десять лет, что они были вместе, этот запах стал для него привычным. Запах его кожи. Цзянь Цзэ, словно преданный

пёс, повёл носом. А затем не удержался и коснулся его губ своими.

Мягкость этого прикосновения была настолько знакомой, что у него снова защемило в груди. Люгуан, Люгуан...

Он снова прижался к его губам. Дыхание переплелось, сердце пустилось вскачь, все звуки вокруг стали неважными.

Щёлк.

Как у всякой звезды, у него был инстинкт на звук затвора. Цзянь Цзэ понял, что их снимают. Возможно, папарацци, охотящийся за сенсацией, а может, просто случайный прохожий. Плевать.

Он смотрел на Люгуана и видел в его мягком взгляде нечто похожее на снисхождение. Не заботясь о том, правда это или иллюзия, он снова поцеловал его — на этот раз крепче. Сжал его руку, лаская языком нижнюю губу, пробуя её на вкус, словно нежное желе. Ему хотелось большего. Хотелось почувствовать его полностью.

«Люгуан...» — любовь буквально переполняла его.

Внезапно.

[Уровень гнева Дитя удачи Цзянь Цзэ -10, текущее значение: 0]

[Поздравляем! Задание выполнено: 2/5!]

Ладонь Цзянь Цзэ внезапно опустела. Мягкость губ, на которую он, казалось, получил ответный отклик лишь на мгновение, исчезла. В следующую секунду ледяная ладонь упёрлась ему в лоб, мягко, но решительно отталкивая назад.

Цзянь Цзэ пришлось отстраниться. Взгляд юноши, в котором он только что видел нежность, теперь был кристально чистым и пугающе рассудочным.

— Ты разве не видел? — повторил Юй Люгуан. — Мою ленту... Ты её не смотрел?

Цзянь Цзэ машинально качнул головой. Люгуан никогда не любил выставлять жизнь напоказ, и он знал это лучше других. К тому же сам Цзянь Цзэ давно отключил уведомления о чужих обновлениях — его не интересовала чужая жизнь.

Юй Люгуан потер глаза и тихо вздохнул:

— Цзянь Цзэ, тебе стоит взглянуть. Я не один. В следующем месяце у меня помолвка.

<http://bllate.org/book/13670/1586952>